

О ПСИХИКЪ РАНЕННЫХЪ.

(Изъ личныхъ наблюдений).

(Докладъ въ Отдѣлѣ Военной Психологiи Общества ревнителей военныхъ знанiй
6-го марта 1909 года).

Врежде всего считаю долгомъ оговориться, что мои наблюдения и замѣтки дѣлались въ судовой обстановкѣ и въ морскихъ бояхъ, а потому и мои выводы относятся главнымъ образомъ къ этому роду оружiя, хотя, смѣю думать не должно быть большой разницы между мужикомъ, одѣтымъ въ матросскую рубаху или въ солдатскiй мундиръ.

Въ душевномъ настроенiи бойцовъ, въ ихъ обращенiи съ ранеными товарищами, въ ихъ поведенiи при полученiи ранъ ими лично—особено рѣзко сказываются характерныя черты народностей, населяющихъ Россiю.

Въ мировозрѣнiи великоруссовъ, составляющихъ главную массу, ядро, судовыхъ командъ, существуетъ ярко выраженный культъ «святости крови».—Не даромъ у насъ палачи всегда возбуждали ужасъ, доходящiй до жалости, никогда не носили титула, соответствующаго почетному званiю—«Monsieur de Paris». Это основная черта русскаго характера.—Пролить чью либо кровь значитъ оскорбить божество. Не Бога, но вотъ это самое божество, этотъ фетишь—«руду»... Зато пролить собственную кровь за родину—значитъ совершить великiй подвигъ.—Мнѣ лично, много разъ приходилось слышать замѣчанiя такого рода:—«За что ему крестъ дали? развѣ онъ кровь проливалъ»?—или, наоборотъ, по адресу тяжело раненаго, но не совершившаго никакого подвига, предусмотрѣн-

наго статутомъ, говорили:—«Кровь проливалъ, а ему хоть бы что! Неправильно»!

Какъ я сказалъ уже, этотъ догматъ—«святости крови»—является основой міровозрѣнія великоруссовъ. У малороссовъ онъ менѣе ярокъ и еще слабѣе—у бѣлоруссовъ, хотя по отношенію къ послѣднимъ, я, можетъ быть, ошибаюсь: можетъ быть, въ глубинѣ души ихъ онъ заложенъ также прочно, но вѣка пребыванія въ роли «быдла» пріучили ихъ, по внѣшности, не придавать особой цѣны «хлопской» крови.

Въ средѣ поляковъ, какъ будто, замѣчаются отголоски «шляхетскихъ» преданій, этой странной смѣси западнаго рыцаря и придѣпровскаго казака, бездомнаго ландскнехта и добраго сельчака, никогда не покидающаго мечты о дѣдовской хатѣ и старой «мамо». Кажется мнѣ, все же, что и въ нихъ жива общеславянская идея «святости крови», но только прикрыта наноснымъ слоємъ завѣтовъ полу-разбойнаго рыцарства, навѣянныхъ тѣсными сношеніями съ западомъ.

Совсѣмъ иначе относятся къ дѣлу прибалтійцы (финны, эсты, ливы), въ которыхъ явно отмѣчается черта какой то угрюмой свирѣпости, и татары (особенно кавказцы), для которыхъ нѣтъ лучшаго зрѣлища, какъ трупъ убитаго врага.

Въ первыхъ—собственныя потери, личныя страданія, смерть и страданія товарищей возбуждаютъ только озлобленіе, лютость раненаго звѣря; вторые—словно пьянѣютъ отъ вида крови, безразлично своей или чужой, словно впадаютъ въ воинственный экстазъ и готовы хвастаться полученными ранами.

Когда, бывало, теченіемъ приносило къ борту крейсера обезображенный трупъ японца, и посылалась шлюпка, чтобы «отбуксировать» его въ портъ, для погребенія, эта разница взглядовъ сказывалась особенно рѣзко.—«Стоитъ возиться со всякой падалью! говорили одни.—Подвязать грузъ и затопить!»—Другіе внимательно, но безъ злобы разсматривали покойника и съ видомъ знатоковъ оцѣнивали степень разрушенія:—«Какъ его разворотило!»—и затѣвали споръ: «Чѣмъ и какъ?»—взрывомъ, осколкомъ снаряда крупнаго калибра или цѣлымъ снарядомъ мелкой артилеріи?

Иначе поступали «наши».—По большей части они снимали фуражки, крестились и выполняли свое печальное дѣло въ благоговѣйномъ молчаніи. Похороны подобранныхъ японцевъ съ воинскими почестями вызывали въ нихъ глубокое сочувствіе и одобреніе.—Тоже вѣдь *кровь проливалъ!* что нашъ, что ихній»!

Впрочемъ, инородческій элементъ въ судовыхъ командахъ настолько малочисленъ, что въ дальнѣйшемъ я буду говорить лишь о русскихъ (славянахъ) или вполне обрусѣвшихъ, оставляя въ сторонѣ случайныя наблюденія надъ прочими, не рѣшаясь обобщать моихъ выводовъ по отношенію къ нимъ.

Достойно замѣчанія, что среди «нашихъ» почти никогда не доводилось встрѣчать спокойнаго, разсудочнаго отношенія къ полученной ранѣ, хладнокровной оцѣнки значительности самой раны и окружающей обстановки.—Всегда крайности.—Либо слѣпая увѣренность, со стороны серьезно и даже тяжело раненыхъ, что «все пустяки», что только «оцарапало», и «не баба я, чтобъ идти на перевязку»,—либо, при первой царапинѣ, исчезновеніе на перевязочный пунктъ. Иногда казалось, даже, что человѣкъ только и ждалъ этого момента, когда сможетъ на законномъ основаніи уйти въ безопасное мѣсто.—Думаешь, бывало:—«Какой молодецъ! безъ нужды лѣзеть!»—а на дѣлѣ это храбрость труса, который мечтаетъ какъ бы только поскорѣе «задѣло», чтобы скрыться подъ броневую палубу.

Несправедливо было бы всѣхъ раненыхъ подводить подъ одну категорію и поведеніе всѣхъ подводить подъ одну мѣрку.—Необходимо имѣть въ виду (если можно такъ выразиться) степень подготовки человѣка, получающаго рану.

1) *Необстрѣлянные и неподготовленные*—(вѣдь у насъ обычно вовсе не готовятъ матроса къ мысли, что въ бою онъ будетъ раненъ)—эти страшно пугаются всякой раны. Я много разъ наблюдалъ здоровыхъ парней, которые не столько почувствовавъ, сколько увидѣвъ, что ихъ «задѣло», увидѣвъ разорванное платье, брызнувшую кровь,—валятся какъ подкошенные, стонуть въ ожиданіи, когда ихъ подберутъ... А когда бывалый старшина санитарной партіи вмѣсто того, чтобы класть такого молодца на носилки, поднять его за шиворотъ, поставить на ноги (да еще и подзатыльника дать при случаѣ), замѣтивъ, что «нечего дурака валять», какъ они спѣшатъ вернуться къ своему дѣлу, загладить оплошность, доказать, что это только «попритчилось».

Думаю, что немалое значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ полная неосвѣдомленность, полное незнакомство нашего нижняго чина съ характеромъ различнаго рода раненій.—Учатъ его (сѣраго мужика) что, въ бою «убиваютъ».—Но вѣдь въ народѣ «убился» не значитъ «убить».—Стукнулся лбомъ о притолоку—«убился» (По

нашему ушибся). Между тѣмъ извѣстно, что «убитыхъ» подбираютъ и уносятъ, ну, значить, ранило—вались и жди, когда подберутъ и унесутъ.—Развѣ отъ мужика вы слышали когда нибудь выраженіе—«ранили».

2) *Не обстрѣлянные, но «наслышанные»*, т. е. не бывшіе въ бояхъ, но входившіе въ тѣсное общеніе съ людьми хорошо обстрѣлянными, относятся къ дѣлу уже иначе. Они «наслышаны отъ вѣрныхъ людей», что «не всякая мина въ бокъ, не всякій осколокъ въ лобъ», что рѣдкая мина попадаетъ, а изъ тѣхъ, что попадутъ, рѣдкая утопить, что со снарядами и того легче, а про осколки говорить нечего, кажется—тучей несеть, а, глядишь, цѣль. Эти рассказы, а въ особенности такіе, въ которыхъ упоминается, что такого-то «задѣло, а онъ даже и не замѣтилъ», очень поднимаютъ духъ; къ нимъ внимательно прислушиваются, такъ какъ они въ простой, понятной матросу, формѣ даютъ ему представленіе о томъ, чего нѣтъ ни въ какой «словесности»—понятіе о процентѣ попаданія въ бою. Еще болѣе существенное (скажу даже—наиболѣе существенное) воспитательное значеніе имѣютъ рассказы людей, пережившихъ бои, въ которыхъ съ нашей стороны потери были огромны. Слушая ихъ, люди осваиваются съ мыслью, что на войнѣ такъ и *«быть должно»*, потому что вотъ, вѣдь, живой человѣкъ былъ въ этой обстановкѣ и не только остался цѣль, не только считаетъ, что «такъ и слѣдовало», но даже похвально тѣмъ, что неприятелю пришлось «почище нашего». Станнымъ покажется, но я положительно удостовѣряю, что самое благотворное воздѣйствіе на неофитовъ, оказывали рассказы участниковъ упорныхъ боевъ, сопровождавшихся тяжкими потерями съ нашей стороны. Именно они своими (часто преувеличенными) рассказами о горахъ искалѣченныхъ труповъ, о потокахъ крови, приучали необстрѣлянныхъ товарищей къ мысли, что любой изъ нихъ можетъ оказаться какъ въ этой «грудѣ», такъ и въ положеніи рассказчика, пережившаго всѣ эти ужасы, что все это такъ и «должно быть», потому что—«война». Конечно, такое сознаніе, такое убѣжденіе, далеко не то, что боевой опытъ, но ужъ и тотъ, кто владѣетъ только ими, не грохнется на палубу «увидѣвъ», что его «задѣло», и не шархнетъ въ сторону отъ упавшаго товарища.

3) *Слегка обстрѣлянные, но неподготовленные*—люди, убѣдившіеся на личномъ опытѣ, что «не всякая мина въ бокъ и не всякій осколокъ въ лобъ», участвовавшіе въ стычкахъ, видѣвшіе убитыхъ и раненыхъ, но не только не видѣвшіе «настоящаго боя»,

а и не слышавшіе рассказовъ о немъ. Среди этихъ замѣчается даже особенно-легкомысленное отношеніе къ опасности, но именно за ними то и надо смотрѣть «въ оба», такъ какъ это легкомысліе одинаково легко переходитъ и въ азартъ (часто вредный), и въ панику (всегда пагубную). Люди этой категоріи, не прошедшіе черезъ предыдущую («наслышанныхъ»), а попавшіе въ нее прямо изъ первой («необстрѣленныхъ и неподготовленныхъ») — это самый неустойчивый элементъ въ рукахъ начальника.

4) *Видѣвшіе всякіе виды* — объ этихъ говорить много не приходится; это — уже профессиональные воины. — Каста. Такая каста, въ которой нѣтъ мѣста выводу ариеметическихъ среднихъ, гдѣ наиболѣе сильные духомъ (скажемъ — наивысшей степени посвященія) стремятся поднять и поднимаютъ до одного уровня съ собою всѣхъ низшихъ, но никогда, ни на одну ступень, не спустятся къ нимъ съ той высоты, которой достигли.

Прошу извинить за маленькій анекдотъ, приводимый какъ иллюстрація, понятная всякому моряку и, даже, сухопутному: — войны бывають рѣдко, а со стихіей (настоящему моряку) приходится воевать чуть ли не повседневно. — Такъ вотъ, однажды, парусный корабль попалъ въ «свѣжую» погоду; потомъ еще засвѣжело; приходилось сознаться, что ужъ не «свѣжо», а — штормъ... Капитанъ — старый морской волкъ, былъ на высотѣ; въ свое время убрали все лишнее (до верхняго рангоута включительно — только и осталось, что фюка-стаксель, да фюръ и гротъ марселя въ три рифа)... Все свѣжѣетъ... И разсердился капитанъ — стукнулъ кулакомъ по поручню мостика и крикнулъ въ лицо бѣшено мчавшимся тучамъ: — «Не удивишь, о Господи! — и четвертый возьму» ¹⁾!

Такъ и на войнѣ. — Люди, «видавшіе всякіе виды», оказавшись въ критическомъ положеніи, словно, только сердятся и бросаютъ небу свой гордый вызовъ — «не удивишь, о Господи! И это выдержимъ»!..

Объ этихъ, какъ я сказалъ уже, въ смыслѣ ихъ боеспособности, говорить много не приходится.

Чтобы закончить характеристику принятыхъ мною четырехъ категорій, позволю себѣ привести еще ихъ отношеніе къ закрытіямъ.

¹⁾ Надо понимать: «четвертый» рифъ у марселей.

Первые—всецѣло руководятся инстинктомъ страуса:—«я не вижу непріятеля, значитъ, и онъ меня не видитъ». Этотъ инстинктъ такъ силенъ, что напримѣръ, въ Тонкинской кампаніи адмиралъ Курбэ достигалъ блестящихъ результатовъ (въ смыслѣ сохраненія sang froid), окружая открыто стоящія пушки своихъ канонерокъ парусиновыми щитами.—Эти (первая категорія) совершенно не даютъ себѣ отчета въ дѣйствительности или иллюзорности закрытія.—Это—не то дѣти, не то страусы.

Вторые—«наслышаны» о томъ, что можетъ прикрыть и что не можетъ.—Они разбираютъ куда, при случаѣ, стоитъ спрятаться.—Знаютъ, что отъ «чемодана», который «ухнетъ» сверху, не прикроетъ и броневая палуба.—Эти дѣйствуютъ съ расчетомъ.

Третьи—поражаютъ своей слѣпой вѣрой въ счастье или несчастье «мѣста», и опять таки являются элементомъ наименѣе устойчивымъ. Это, именно, тѣ, которые «шарахаются» отъ мѣста, въ которое тольکو что попалъ снарядъ (прямо въ разрѣзъ съ логикой, подсказывающей, что въ морскомъ бою положить снарядъ на снарядъ совершенно невозможно), тѣ, которые не рѣшаются помочь раненому, страшась подойти къ мѣсту, на которомъ «убило».

Четвертые—повторю старое присловье—этихъ не намъ учить, а они насъ научатъ.

Конечно, наилучшимъ элементомъ для укомплектованія экипажа корабля являются люди послѣдней категоріи, но, къ сожалѣнію, при началѣ кампаніи взять ихъ неоткуда.—За то вполне въ нашей власти имѣть сразу людей второй категоріи, подготовивъ ихъ въ мирное время.—Если же намъ удастся вовсе устранить первую категорію, то не будетъ и третьей, которую я считаю наиболѣе неустойчивой, даже опасной.

Достигнуть осуществленія этой задачи можно соотвѣтственнымъ воспитаніемъ нижняго чина. Необходимо всѣми способами (большую пользу въ данномъ случаѣ можетъ оказать кинематографъ) знакомить его съ такъ называемыми «ужасами войны» и внушать ему мысль о ихъ неизбѣжности, скажу болѣе—о ихъ естественности. «Батальныя» картины, на которыхъ все выходитъ такъ красиво, приносятъ, по моему мнѣнію, огромный вредъ. Не меньшій вредъ приносятъ и описанія сраженій, составляемыя по обще-принятому шаблону.—Воспитанный на нихъ нижній чинъ не можетъ не почувствовать въ первомъ же бою, что его обманывали.—Въ основу военнаго воспитанія долженъ быть положенъ

самый беспощадный реализмъ, имѣющій цѣлью замѣнить туманное представленіе объ «ужасахъ войны» основательнымъ знакомствомъ съ «боевой обстановкой».—Я рекомендовалъ бы не только правдивые, ничего не утаивающіе, рассказы и картины (особенно кинематографъ), но предложилъ бы, даже, для настоящаго «закала» водить людей въ хирургическія отдѣленія госпиталей для личнаго присутствія при операціяхъ и перевязкахъ, а при посылкѣ на пожаръ или къ мѣсту какой-нибудь катастрофы не ограничивать ихъ роль однимъ «наблюденіемъ за порядкомъ и охраной имущества». Не надо останавливаться передъ физической невозможностью всѣхъ людей провести черезъ такую практическую школу.—Это было бы желательно, но необходимости въ этомъ нѣтъ.—Достаточно, чтобы въ каждой командѣ былъ нѣкоторый процентъ такихъ. Они «расскажутъ» и расскажутъ ярче и понятнѣе, нежели самый талантливый лекторъ.

Прошу извинить за невольное уклоненіе отъ взятой мною темы и спѣшу возвратиться къ ней.

О такихъ «неподготовленныхъ», которые при первой царанинѣ валяются съ ногъ, воображая что ихъ «убило», или о такихъ, что радуются, когда «задѣнетъ», найдя поводъ уйти на перевязку, въ безопасное мѣсто,—говорить не буду. Равнымъ образомъ, не буду приводить и случаевъ исключительнаго стоицизма. Обращусь къ явленію, которое мнѣ приходилось наблюдать у весьма многихъ, державшихъ себя въ бою вполнѣ удовлетворительно.

Въ большинствѣ случаевъ раненые, даже тяжело, но не такъ, чтобы сразу лишиться возможности дѣлать свое дѣло, перевязавшись наскоро или вовсе не ходивъ на перевязку, съ особымъ рвеніемъ спѣшатъ къ исполненію своихъ обязанностей, причемъ въ нихъ замѣчается какая-то особая увѣренность, что имъ ужъ бояться нечего, что они счастливо отдѣлались. Это ощущеніе почти радости, особеннаго подъема духа, которое я много разъ подмѣчалъ въ другихъ, мнѣ пришлось провѣрить впоследствии на личномъ опытѣ, такъ какъ я былъ тяжело раненъ въ послѣднемъ изъ боевъ, въ которомъ участвовалъ.—Я именно «обрадовался», увидѣвъ, что хоть и здорово «разворотило», но счастливо, и въ будущемъ считалъ себя какъ бы «застрахованнымъ».

Наступаетъ, однако же, такой психологическій моментъ, когда раненый (вслѣдствіе потери крови, отъ появившагося ощущенія боли, затрудненности въ движеніяхъ, или при вновь полученныхъ

ранахъ) вдругъ рѣшаетъ, что онъ выбылъ изъ строя, что онъ свое сдѣлалъ, а теперь пусть другіе дѣлаютъ, что могутъ.

Рѣшеніе это приходитъ внезапно и является окончательнымъ.

Грубую ошибку допускаютъ тѣ начальники, которые пытаются удержать такихъ людей въ строю. Пользы отъ нихъ не будетъ, а вредъ можетъ быть большой, такъ какъ, въ случаѣ задержанія, они считаютъ себя глубоко оскорбленными въ самомъ святомъ своемъ чувствѣ. Мнѣ довелось, однажды слышать о подобномъ эпизодѣ отъ самого раненаго и слышать отзывы его товарищей.—Онъ говорилъ:—«я не ему нанимался кровь проливать! Не ему мнѣ указывать! Передъ Богомъ то еще кто чище выйдетъ!»—и товарищи съ нимъ соглашались, замѣчая, что «надъ живой душой не командуешь! Она сама знаетъ»!..

Скажу больше: я рекомендовалъ бы начальникамъ не только не пытаться удерживать въ строю раненаго, который считаетъ, что онъ «свое дѣло сдѣлалъ», но, по возможности предупреждать этотъ моментъ, беря инициативу на себя (это легко замѣтить.—когда человѣкъ начинаетъ «сдавать»), и провожать выбывающаго похвалою и благодарностью, ставя его въ примѣръ другимъ, указывая, что онъ черезъ силу работалъ и ушелъ только по приказанію. На окружающихъ такой пріемъ производитъ отличное впечатлѣніе.—«Значить, цѣнятъ и понимаютъ»—толкуютъ они между собою.—Это могу засвидѣтельствовать изъ личнаго опыта.

Еще одно замѣчаніе по поводу раненыхъ, рѣшившихъ, что они «выбыли изъ строя».—Въ большинствѣ случаевъ они проявляютъ удивительное равнодушіе не только къ судьбѣ товарищей, къ судьбѣ корабля, но даже и къ своей собственной. Въ нихъ чувствуется твердое сознаніе, что теперь—«не мое дѣло», хотя иногда проявляется и любопытство:—«какъ то они безъ меня будутъ дѣйствовать»?—Помню одного такого, который «выбылъ изъ строя», но не ушелъ внизъ, а примостился неподалеку, внимательно наблюдая за всѣмъ окружающимъ.—Можетъ быть это было, столь рѣдкое въ нашемъ мужикѣ, желаніе порисоваться? — Не знаю.—Освѣдомиться не довелось, такъ какъ онъ былъ вскорѣ же убитъ.

Что совершенно недопустимо, такъ это насильственное возвращеніе въ строй раненыхъ, прошедшихъ курсъ долгаго госпитальнаго леченія, особенно такихъ, раны которыхъ, хотя бы и несерьзныя, требовали много времени на заживленіе, сопровождавшееся мелкими операціями, мучительными перевязками.—Такіе

являются въ рядахъ бойцовъ элементомъ самымъ нежелательнымъ.

И вотъ почему:

Рѣдко, очень рѣдко, въ комъ приходилось мнѣ наблюдать прямой страхъ смерти, такъ какъ это именно и есть настоящая трусость животнаго, цѣпляющагося за жизнь, исповѣдующаго, что и «псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву». Такихъ немного; это—исключенія.—Большинство боятся не смерти, а страданій.—Есть и такіе, что презираютъ самое страданіе, но этихъ немного, это—тоже исключенія.

Заурядъ-человѣкъ не легко забываетъ перетерпѣнное. Если въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ съ жуткимъ чувствомъ, каждое утро и каждый вечеръ, ждалъ момента, когда его понесутъ въ операціонную, гдѣ ему предстоитъ корчиться на столѣ, впиваясь зубами въ рукава халата, чтобы заглушить невольные стоны,—такой человѣкъ (за рѣдкими исключеніями), можетъ быть, безстрашно пойдетъ на смерть, но... не на повтореніе пройденнаго. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, до какой степени заразительно подобное настроеніе въ боевой обстановкѣ и въ особенности въ ожиданіи боя.—Развѣ мало было случаевъ самоубійства изъ страха быть раненымъ, изъ страха предстоящихъ страданій, но, конечно, не изъ страха смерти, который исключается самымъ фактомъ самоубійства.

Присущее славянскимъ народностямъ исповѣданіе догмата «святости крови» особенно ярко сказывается въ отношеніи раненыхъ къ лицамъ, ихъ окружающимъ.—Поверхностные наблюдатели такъ легко объясняютъ нервностью, лихорадочнымъ состояніемъ и восторженное обожаніе врача, грубоватаго въ своихъ пріемахъ, и блюдечко съ вареньемъ, брошенное въ лицо сострадательной дамѣ, пришедшей «облегчить участь страдальцевъ»,—но если разобраться въ дѣлѣ поглубже, то не трудно найти общій источникъ, изъ котораго, вполне естественно, проистекаетъ и то, и другое.

Вѣдь не только умершіе въ тяжкихъ страданіяхъ, но и сподобившіеся легкой кончины на полѣ брани (убитые наповаль) почитаются народомъ, какъ «пріавшіе мученичeskій вѣнецъ», для которыхъ настѣжь открыты врата райскихъ обителѣй.—Ну, а недобитые? Волею Божіею только раненые?—развѣ на нихъ не распространяется неземной свѣтъ мученическаго вѣнца?—или цѣнится только послѣдняя капля крови, а предпослѣдняя не въ счетъ?—Съ

такимъ положеніемъ русскій мужикъ иногда не согласится.—Для него свята каждая капля крови, пролитой за родину!—И первое, чего требуетъ (хотя бы безсознательно) каждый раненый — *уваженія*.

Если, въ обращеніи съ нимъ, онъ его чувствуетъ (а какъ, въ этомъ отношеніи—чутки они всѣ, даже самые «сѣрые»), вы будете поражены его выносливостью, терпѣніемъ, неприхотливостью... Нѣтъ этого уваженія—и блюдечко съ вареньемъ полетѣло въ лицо дамѣ—патронессѣ, воображающей, что она способна «осчастливить страдальца», снизойдя до него.

Раненые той категоріи, которой догматъ — «святость крови», всякую заботу о нихъ принимаютъ, какъ простое исполненіе своего долга людьми «непроливавшими крови».—Они благодарны имъ не за ласку, не за участіе, а за честное исполненіе ими ихъ прямой обязанности.

Съ этимъ взглядомъ нельзя не считаться. Пренебреженіе имъ является для нашихъ раненыхъ такой обидой, которую они не могутъ не только забыть, но даже простить. Такъ обиженный дѣлается непримиримымъ, на всю жизнь, врагомъ «господь», которые «свою, бѣлую, кость берегутъ, а его черную, въ грошъ не ставятъ, подачкой леденца думаютъ облагодѣтельствовать».

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ одномъ обстоятельстве, ярко характеризующемъ психофизиологическое состояніе раненыхъ: необычайную остроту воспріятій при столь повышенной внушаемости, что часто наблюдается смѣшеніе пережитого и видѣннаго бойцомъ лично съ тѣмъ, что онъ слышалъ отъ другихъ.

Въ моихъ книгахъ я настойчиво и неоднократно подчеркивалъ, какъ мало можно довѣряться боевымъ воспоминаніямъ, и сознавался чистосердечно, что иногда самъ себя уличалъ въ запамятованіи, а что еще хуже, въ извращеніи событій, точно и тогда же записанныхъ въ моемъ дневникѣ. Конечно, собственноручная записъ сразу разрушала иллюзію и ярко восстанавливала въ памяти дѣйствительную обстановку, но не будь ея, этой записи, я бы подъ присягу пошелъ, доказывая, что былъ очевидцемъ происшествія, о которомъ только слышалъ.

А ужъ къ воспоминаніямъ раненыхъ надо относиться съ особой осторожностью, сказалъ бы даже, прямо не вѣрить имъ, если хоть одинъ свидѣтель, бывшій въ то время въ добромъ здоровьи, ихъ опровергнетъ.

Доказательствъ такого положенія мнѣ пришлось наблюдать очень много, но здѣсь я ограничусь приведеніемъ одного, наиболѣе характернаго случая.

Какъ извѣстно, крейсеръ «Свѣтлана» изрядно потерпѣлъ въ бою при Цусимѣ 14-го мая, а 15-го мая, настигнутый японцами по пути во Владивостокъ, былъ потопленъ артилерійскимъ огнемъ. Остатки экипажа были подобраны съ воды непріателемъ и доставлены въ Сасебо, гдѣ раненые помѣщены въ госпиталь.

Одинъ изъ этихъ раненыхъ такъ живо, такъ детально описывалъ картину гибели броненосца «Ослябя», что флагъ-капитанъ даже записалъ весь рассказъ съ его словъ, какъ матеріаль для донесенія. Случайно узналъ объ этомъ, тоже раненый, кондукторъ (съ той же «Свѣтланы») и запротестовалъ, утверждая, что рассказчикъ не могъ видѣть описываемаго имъ зрѣлища, такъ какъ съ момента пробитія боевой тревоги (т. е. передъ началомъ боя) и до 6 часовъ вечера безотлучно находился въ кормовомъ патронномъ погребѣ, котораго былъ хозяиномъ. Имѣлось также одно особое обстоятельство, по которому онъ никакъ не могъ отлучиться отъ своего поста, хотя бы, на короткій срокъ.

Подобное противорѣчіе такъ всѣхъ заинтересовало, что устроили очную ставку.

Произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Ты помнишь, что, вѣдь, я завѣдывалъ кормовой подачей?— спрашиваетъ кондукторъ.

— Такъ точно—вы.

— А ты былъ хозяиномъ кормового шестидюймоваго?

— Такъ точно—я.

— Когда же ты спустился въ погребъ?

— Извѣстно—по тревогѣ.

— Значить еще до боя?

— Чего тамъ! отъ насъ еще «его» и видать не было.

— Такъ какъ же ты видѣлъ, какъ «Ослябя» тонулъ?

— Своими глазами видѣлъ.

— Изъ погреба?

Рассказчикъ смущенъ, силится припомнить... Картина, создавшаяся въ его воображеніи (очевидно, на основаніи рассказовъ), стоитъ передъ нимъ, какъ живая, и онъ пытается найти какое-нибудь объясненіе.

— Должно быть отлучался на время... а тутъ какъ разъ...

— Не могъ ты отлучаться!

- Это почему же?..
- А, ну-ка, вспомни, что у тебя въ погребѣ приключилось съ подручнымъ?
- Подручному ноги придавило—бесѣдка сорвалась.
- Когда-жъ это было?
- Да, только что подавать приказали! Какъ не помнить!..
- Ты еще сколько разъ меня по трубѣ просилъ прислать тебѣ помощь, что одному не управиться...
- Вотъ, вотъ! замаялся совсѣмъ! серчалъ шибко, а вы все— «некого»...
- А подача-то шла?
- Безъ отказу.
- Да, кто-жъ подавалъ то?
- Вѣстимо я! оттого и серчалъ, что одинъ единешенекъ...
- Значить, ты до вечера изъ погреба наверхъ не выходилъ?
- Гдѣ ужъ тутъ! только къ ужину...
- Откуда-жъ ты видѣлъ, какъ «Ослябя» тонуль?
- А чего мнѣ врать-то! Говорю своими глазами видѣлъ!
- Да, вѣдь, ты былъ хозяиномъ кормового погреба?
- И т. д. и т. д. Сказка про бѣлаго бычка.
- Вотъ почему, когда очевидцы говорятъ мнѣ съ жаромъ:—Я самъ тамъ былъ и отчетливо *помню!*—я всегда спрашиваю: «А вы это *тогда же и записали?*»

Вл. Семеновъ.

